

ченко использует термин этнос: «Менее чем за столетие долганы из одного из подразделений тунгусов стали самостоятельным этносом, молодым и активным...» (Дьяченко 2005: 63), а также подчеркивает момент формирования долганского этнического самосознания (Там же: 62). Как хорошо известно, этническое самосознание выступает в качестве центрального элемента этноса в теории Бромлея и его коллег.

Влияние этой же теории можно проследить в работе Родионова о ливанских маронитах, где он определяет их в качестве этноконфессиональной группы в составе арабского этноса (Родионов 1982: 6), ссылаясь на совместную статью С.И. Брука, Н.Н. Чебоксарова и Я.В. Чеснова (Брук, Чебоксаров, Чеснов 1969). В свою очередь, двое из трех авторов концепции этноконфессиональной группы (Брук и Чебоксаров) в значительной степени повлияли на формирование теории этноса.

Байбурин А. От редактора // Антропологический форум. 2005. Специальный выпуск.

Брук С.И., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии // Вопросы истории. 1969. № 1.

Дьяченко В.И. Охотники высоких широких: долганы и северные якуты. СПб., 2005.

Маркус Д. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Этнографическое обозрение. 2005. № 2.

Павлинская Л.Р. Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

Размышления о судьбах науки // Этнографическое обозрение. 1996. № 5.

Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982.

Следзевский И.В. Ускользящий объект исследования: познавательный кризис в африканистике? // Манифестация, 2003. № 4.

Страус А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.

Шнирельман В.А. Наука в условиях тоталитаризма // Этнографическое обозрение. 1992. № 5.

Mullins N.C. Theory and theory groups in contemporary American sociology. N.Y., 1973.

Wolcott H.F. Ethnography: A Way of Seeing. Walnut Creek. CA. 1999.

В.П. Горюнов
(С.-Петербург)

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ ОБЩНОСТИ

В лозунге гуманизации общественного сознания, идее антропологического поворота в философии и прочих вариантах обращения к пробле-

ме человека, объективно выражается ощущение действия техносocиальной формулы общества, в соответствии с которой общественное производство, независимо от уровня развития, принципиально не может обеспечить всеобщее выживание людей, из чего следует его насильственный характер и наличие в обществе отношения «цель — средство» в качестве фундаментального социального отношения.

Данное ощущение означает утрату последнего Абсолюта, с признанием которого человек имел точку опоры в своей жизни, когда ему было во что верить, на что надеяться и что любить. Сначала наука вытеснила из сознания Бога и модель всеобщего спасения, а потом, отвергнув идею вечного двигателя, сама оказалась неспособной обеспечить всеобщее выживание людей. Бог умер, наука обманула, и люди остались наедине друг с другом перед лицом природы, как единственной объективной реальности, при том условии, что в этом совместном существовании чья-то жизнь оказывается всего лишь простым средством другой жизни.

Всеобщей, универсальной идеологической формой, отражающей социальный интерес, является религия. Столкновение социальных интересов наиболее последовательно отражается в сознании как борьба религиозных идей. Других устойчивых форм идеологического противостояния людей цивилизация не придумала.

Историческая необходимость (закономерность) религиозного оформления социальной жизни вытекает не из результатов абстрактного спора о признании или отрицании существования Бога как такового, а из практики социальной борьбы. Столкновение социальных интересов — это, в конечном счете, столкновение в борьбе за выживание, которая объективно бескомпромиссна и потому абсолютна. Она не имеет рационального обоснования вне самого факта стремления к жизни и нуждается в опоре на идеологический абсолют, такой же всеобщий и универсальный, как сама борьба за выживание. Борьба за своего Бога есть борьба за свое исключительное право на жизнь, и наоборот — борьба против чужого Бога есть оправдание борьбы против чужой жизни.

Лидирующей общности присущи передовая техника и технология, высокая эффективность деятельности обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жилье, транспорт, медицина, отдых) и надежной защищенностью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. У благополучной общности нет стремления ни к перескакиванию через какие-либо этапы развития, ни к особому духовному возвышению; духовность в этом случае утрачивает свой целеобразующий, смыслообразующий характер и низводится до статуса простой потребительской ценности. Обеспеченные люди и страны живут в настоящем, будущее для них — это нечто понятное и просчитываемое. Его не надо торопить, приближать. Надо только действовать в соответствии с заданным алгоритмом. Будущее для таких людей и стран скорее потенциальный источник проблем, чем обещание лучшей жизни.

Необеспеченные люди и страны, напротив, стремятся к будущему, мечтают о нем, борются за него. Россия всегда была устремлена в будущее, всегда отвергала прошлое, никогда не была довольна настоящим. При этом Россия всегда догоняет и делает в своем развитии исторические рывки, у нее никогда не было времени для того, чтобы пройти весь путь.

В период реформ 1990-х гг. в России ее культура вместе со всей социальной сферой оказалась вытесненной на периферию общественного развития по причине ее бюджетного содержания, а точнее, была снята с этого содержания. В дальнейшем в ходе установления свободы самовыражения и передвижения людей культура в значительной степени коммерциализировалась и обрела способность к самофинансированию. Реформирование России продолжилось под звон церковных колоколов, многоголосицу шестий и ритмы карнавалов, мелодии фестивалей и конкурсов.

Перестав быть обузой для общества, культура одновременно перестала быть и его духовной опорой. Культура, если она становится сферой вложения денег с целью получения прибыли, утрачивает свой национальный характер и общественную предназначенность. Такая культура не нуждается в общественной поддержке ни со стороны государства, ни со стороны меценатов. Наоборот, она размывает и подтачивает национально-общественные устои, поскольку утрачивает свою социально-репрессивную функцию и освобождает, полностью реабилитирует подсознание. Задачей культуры остается делать жизнь привлекательной, превращать ее в ценность саму по себе, сводить ее смысл к проживанию как таковому.

Не случайно зазвучавшая в последнее время постановка задач по возрождению величия России сопровождается призывом к сохранению и дальнейшему развитию ее культуры. Такие заявления со стороны государства свидетельствуют о серьезности его намерений укреплять свои позиции во благо сохранения и упрочения целостности России. Следующим шагом должно стать осознание необходимости крепить ее духовный стержень представителями имущих слоев населения. Меценат, в отличие от шоу-бизнесмена, получает прибыль от вложения в культуру денег не в тех же деньгах, а в виде более консолидированного общества и более сильного государства, что является более надежным и эффективным вложением, поскольку создает более благоприятные условия для развития в целом.

Кажущееся на фоне бедности безумным стремление России ошеломить мир зрелищностью имеет под собой вполне реальные основания. Общественная функция культуры — создание мифа, конструирование иллюзорного мира, нормативами которого люди должны руководствоваться в реальном мире. Поэтому по мере укрепления российского государства будет необходимо совершаться расприватизация культуры, возврат государственной монополии на ее идейное содержание. Вопрос о типе культуры есть одновременно вопрос о типе власти, поскольку сама власть является частью культуры.